

Театральные раздумья

СПЕКТАКЛЬ шел к концу. Московский драматический театр имени А. С. Пушкина, находившийся на гастролях в Свердловске, показывал «Свиные хвостики» Ярослава Дитла. Мой сосед, человек, страстно любящий искусство театра, был возбужден до предела. «Вот это режиссура, это мастерство!» — возбужденно говорил он, захваченный темпом спектакля, яркостью постановочных решений. Аплодировал он тоже неслышно, бурно выражая свой восторг.

Отношение, проявленное к «Хвостикам» публикой, оказалось намного прохладнее. В газете была опубликована рецензия. В ней отмечалась незначительность темы и в тоже время положительно оценивались режиссура Бориса Равенских, актерский ансамбль спектакля. А на другой день в редакцию стали звонить «несогласные» зрители. Как часто бывает в подобных случаях, они «опустили» в рецензии очень существенные оговорки и увидели лишь положительные оценки, которые не хотели разделять. Большинству спектакль не понравился в целом, не вдаваясь в подробности, не выделяя отдельных его элементов.

Многие зрители не приняли действительно современной, интересной режиссуры спектакля отнюдь не потому, что были против динамичности, экспрессивности, несколько подчеркнутой театральности, проявившихся в постановке «Свиных хвостиков». Просто отсутствие большой мысли, примитивность сюжета (в пьесе Дитла все вертится вокруг того, что председатель артели забил на праздник вместо одной свиньи, разрешенной районом, две, и его «плутни» неожиданно раскрываются) сделали для них вещь неинтересной, а следовательно, и средства, которыми она воплощалась, безразличными. Если эти постановочные средства могли заинтересовать, увлечь сами по себе, пусть и на незначительной основе, заядлого театрала, то более широкого зрителя они оставили равнодушным.

НЕ СЛУЧАЙНО начал я этот разговор со спектакля, показанного в нашем городе столичным коллективом. Свердловчане имеют возможность многое видеть, а следовательно, о многом судить, многое сравнивать. Сравнивая, они предъявляют определенный счет к своим театрам. И тут сталкиваются со всей очевидностью те разные

позиции, которые проявились в оценке «Свиных хвостиков» да, по правде говоря, и театра имени Пушкина в целом.

Свердловская драма — именно об искусстве драмы идет здесь речь — не может жаловаться на недостаток любви со стороны зрителей. Весь прошлый сезон прошел на сплошных аншлагах. Новый сезон открылся многократно

показанной уже вещью. Некоторые пришли на нее не в первый раз. И все-таки прием был очень теплым. Артистов долго не отпускали. Чувствовалось: свердловчане сошлись по своему театру.

А наряду с этим в кулуарах приходится слышать подчас голосящие, сетующие на излишний академизм театра, на отсутствие режиссерской яркости, на чрезмерную ровность работ Свердловской драмы. Иногда это высказывания серьезные, аргументированные, заинтересованные. Иногда — с оттенком брюзгливости, скепсиса.

Статистика зрительских мнений — дело не во всем надежное. Не только потому, что подсчет голосов тут, мягко говоря, затруднителен. Просто в искусстве далеко не всегда самое популярное — самое хорошее, и наоборот.

Другое дело — глубокое понимание театром самой природы зрительского зала, его духовных интересов, потребностей. Тут нужно уметь отбросить наносное, случайное, взять для себя существенное и верное в суждениях, сопутствующих работе коллектива. Вот почему вопрос о критериях в оценке театра, его работы представляется мне важным, заслуживающим внимания.

УСПЕХ Свердловской драмы у широкой зрительской аудитории — заслуженный, серьезный успех. «Океан» А. Штейна, «Четвертый» К. Симонова, «Друзья и годы» Л. Зорина, поставленные за последнее время одной из первых Свердловской драмой, — отклик на острые и глубокие вопросы современности. Разработка таких вопросов отличается, как правило, в театре точным выявлением идейной сущности произведения, мировоззрения героев, хорошей добротностью, высокой актерской культурой. На этом, если отбросить частности, сходится театральная критика.

Конечно же, призыв к театральной яркости, неповторимости можно лишь приветствовать. Только незачем при этом перечеркивать сделанное. А именно так происходит подчас, когда требование творческой оригинальности становится самоцелью. Ведь не нашел же, например, в театре ровным счетом ничего для себя интересного, заслуживающего внимания театровед Б. Поюровский, опубликовавший не так давно в «Советской культуре» критическую статью по Свердловской драме. Такой ниги-

стический подход на нет свел весь положительный пафос статьи, призывающей театр к творческому поиску. Театральная конференция, обсуждавшая после этого работы Драматического театра с участием крупных специалистов, деятелей сцены, не поддержала выступления Поюровского.

Б. Поюровский — театровед, которого в серьезном, профессиональном плане волнуют проблемы традиций и новаторства, пусть и с определенными «перехлестами». А как часто кричат о новаторстве роев. И было бы по меньшей мере несправедливо не видеть того, что Свердловская драма стремится к органичным формам, обусловленным характером драматургии.

В тех же «Братьях Ершовых», с успехом прошедших на свердловской сцене, В. Битюцкий, главный режиссер театра, в содружестве с художником А. Кузьминым нашел интересные, отнюдь не традиционные постановочные средства. Выбеленные на суперзанавесе портреты братьев Ершовых, сопровождаемые авторскими харак-

теристиками, голос диктора, рассказывающий о событиях на заводе, проходы героев перед занавесом, их краткие реплики и монологи у рамы, обращенные в зал... Все это шло от глубокой публицистичности произведения, укрупняло спектакль.

Самое время, общие тенденции развития театра делают невозможными многие из старых, привычных решений. Вряд ли можно было найти, например, в наши дни режиссера, который бы попытался ставить, скажем, «Четвертый» К. Симонова в традиционных декорациях. Разговор живых и мертвых, происходящий в пьесе, сделал бы такие «реалистические» декорации нелепыми. Другое дело, что новые постановочные решения могли быть хуже или лучше. Режиссер А. Соколов, художник М. Улановский освободили сцену для героев, создали внешнюю атмосферу, дополняющую общее настроение внутренней открытости и сосредоточенности, идущее от автора, проявила хорошую выдумку. Это радует.

Нет, театр не стоит на месте. Только он не всегда последователен, не всегда достаточно смел в

своих устремлениях. Примеров тому немало. При всей значимости интересных актерских работ не получилась как спектакль единой формы «Иркутская история» А. Арбузова: оформление здесь разошлось с общей режиссерской манерой, в которой решен спектакль; каким-то нарочитым оказался хор — этот своеобразный ведущий. Эклектичными в своей постановочной части представляются «Саламандра», инсценированная по одноименному роману В. Очеретина, в какой-то мере, «Цветы живые» Н. Погодина.

Вообще не из «охранительных» побуждений приходится здесь говорить о действительно здоровом, хорошем в театре — ему надо многое сделать, чтобы достойно откликнуться на все новое в современной жизни. Просто хочется подчеркнуть: коллектив должен дожить своим «багажом». Очень уж соблазнительны бывают порой разные «веянья».

СВЕРДЛОВСКАЯ драма стремится утвердить себя как театр большой и глубокой мысли. Она не может и не должна считаться с легкомысленным требованием иных театралов: «Нам бы чего-нибудь новенького». Но нель-

себе, разумеется, не новых, стоят серьезные возможности действительного роста коллектива, производимые не модой, а непреходящими потребностями развивающегося искусства.

Во главе коллектива мог оказаться другой режиссер, акцентировавший внимание не на неизменных требованиях к искусству, а на своеобразии приемов, неповторимости постановочных средств. Был бы другой театр. Вопрос только в том — лучше или хуже.

Не будем искать «журавля в небе». Не будем мириться и на «синице в руке». В плане тех положений, которые выдвигает главреж Драмы, у театра есть свои мерила, свои вершины. Свердловчане хорошо помнят отличный горьковский спектакль, поставленный в свое время В. Битюцким, — «Сомов и другие». Это был спектакль высокого интеллекта, тонкого психологизма, точного социального смысла. Спектакль цельной и по-своему яркой формы. Не случайно имел он обильную и серьезную театральную прессу.

Не надо апеллировать к памяти — можно и сегодня пойти посмотреть шекспировского «Антония и Клеопатру». Шесть лет живет спектакль. И пользуется неизменным успехом. О нем можно говорить по-разному. Но с творческих счетов театра его не сбросишь никак.

Да, у театра немало того, что называется скучным словом — текущая работа. Но он никогда не может, не должен забывать о празднике большой, непреходящей творческой победы. Это обращение не к одному главному режиссеру — к режиссуре в целом. Нельзя, по-моему, соглашаться с теми, кто рассматривает осуществленную разными режиссерами в разных творческих манерах постановку таких разных вещей, как «Братья Ершовы» и «Четвертый», чуть ли не как потерю театром его творческого лица. Нам должно интересоваться, по-моему, единство идейно-художественных устремлений театра в широком, а не в узком стилистическом плане. Режиссура не может, не должна быть однолика. Процесс взаимного обогащения творческими приемами всегда плодотворен.

В МОМЕНТ, когда писалась эта статья, на рекламных щитах появилась афиша предстоящей премьеры — «Друзья и годы». На афише всего два слова. Но написаны они так, что напоминают скорее ребус, чем простое человеческое название. Только зная, о чем идет речь, можно прочесть написанное.

Хочется верить, что дальнейшие поиски оригинального, неповторимого не пойдут по формальному пути вот этой афиши-загадки. От Свердловской драмы должно ждать работ по-настоящему значительных — и в смысле содержания, и в смысле формы. Значительных по большому счету.

О «НОВЫХ ВЕЯНЬЯХ»

И СТАРЫХ ИСТИНАХ

зая не считаться с мнением людей, знающих и любящих театр на протяжении многих лет, в определенной мере им самим воспитанных, которые высказывают подчас здоровую неудовлетворенность его деятельностью. Их радует, что творческий коллектив верен своей генеральной теме, что большинство его работ отличаются серьезностью, хорошей добротностью. И огорчает, тревожит, когда в течение ряда лет среди хороших, важных и нужных спектаклей нет таких, которые бы заставили говорить о себе, как о явлении принципиальном, ярком и самобытном.

Скажем прямо, каждый вкладывает при этом в понятие яркости и самобытности свой смысл, у каждого человека свои художественные пристрастия, свои вкусы. Но предъявлять творческий счет к художнику можно только с позиций его собственного творчества, его художественного кредо.

Главный режиссер Свердловской драмы В. Битюцкий, отвечая на вопросы журнала «Театр», поставленные в связи с дискуссией о новаторстве в драматургии, пишет: «В понятие новаторства я ставлю: неоспоримым критерием для меня служит драматургия Горького — умение видеть в жизни главное; за судьбами отдельных людей видеть судьбу народа или общественных групп; проникать в духовный мир человека так глубоко, что сколько ни ныряй, а дна не достанешь; умение раскрывать богатство мыслей человека; лепить характеры сложные и волевые».

Что же, в таком плане можно быть и старовером. За каждым из названных положений, самих по

себе, раздвинутый занавес перед началом действия? Этому «ново-